

СУДЬБА КАЗАКА ЛУГАНСКОГО (ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА И БИОГРАФИИ)

Ю.П.Фесенко

В.И.Даль (1801-1872) был одним из популярнейших писателей 1830-х - 1860-х годов. Его псевдоним *Казак Луганский* являлся своеобразным "знаком качества" для многочисленных любителей и любительниц отечественной словесности, а созданные им произведения постоянно включались в литературные хрестоматии второй половины прошлого и начала нынешнего века как неоспоримо образцовые.

Даль пользовался авторитетом и уважением не только в читательской, но и в писательской среде. В.Г.Белинский писал в статье "Русская литература в 1845 году": "В.И.Луганский создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать *физиологическим*. <...> После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе."¹ Сам же Н.В.Гоголь в 1846 г. признавался: "<...> каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни <...>."² И.С.Тургенев в 1847 г. называл Даля "народным писателем" и, говоря о его родственном расположении к народу, подчеркивал: "В этом отношении никто, решительно никто в русской литературе не может сравниться с г<осподином> Далем."³ В предисловии к немецкому изданию романа Д.В.Григоровича "Рыбаки" в 1859г. А.И.Герцен отмечал: "Одним из первых бесстрашных охотников, который, не боясь ни грязи, ни смрада, отточенным пером стал преследовать свою дичь вплоть до канцелярий и трактиров, среди попов и городских, - был Казак Луганский (псевдоним г<осподина> Даля)."⁴

Приведенный перечень оценок нетрудно расширить и продолжить, однако, полагаем, очевидно главное - признание особой роли Даля в литературе со стороны его выдающихся современников. Будучи личностью ренессансного масштаба - этнографом, фольклористом, лингвистом, полиглотом, зоологом, ботаником, педагогом, доктором, морским офицером, общественным деятелем, - он накопил энциклопедические знания и щедро делился ими. А.С.Пушкин пользовался его помощью при собирании материалов

для "Истории Пугачева" во время пребывания в сентябре 1833 г. в Оренбуржье, где Даль служил тогда чиновником особых поручений при военном губернаторе В.А.Перовском.⁵ В.А.Жуковский просил у Даля материал для уральской поэмы в 1837 г.⁶ Даль сочувственно отнесся в 1846 г., уже находясь в Петербурге, к вступающему в большую литературу Д.В.Григоровичу, предоставил ему свои фольклорные запасы и свой домашний кабинет для занятий.⁷ Видимо, оказанная поддержка была настолько действенной, что и через много лет, когда Даль находился уже в преклонном возрасте, Григорович счел возможным попросить у него подходящий сюжет.⁸ Даль "дружески руководит первыми литературными опытами П.И.Мельникова (даже придумывает ему псевдоним Андрей Печерский); доброжелательно помогает начинающим писателям (позднее революционерам) М.Л.Михайлову и В.А.Слепцову."⁹ В контексте наших рассуждений не таким уж безосновательным предстает мнение Е.А.Боброва о принадлежности Далю сюжета "Мертвых душ" Гоголя.¹⁰ Тем более что предпринятая попытка опровержения слабо аргументирована, не учитывает феноменальности далевского творчества и в результате неубедительна.¹¹

Картина становится еще более впечатляющей, если учесть решительное неприятие Далем конъюнктурных периодических изданий и его постоянную готовность сотрудничать в передовом русском журнале. Такой журнал, по его мнению, призван объединять лучшие литературные силы, способствовать устранению писательских междоусобиц, воспитывать читательские вкусы. Поэтому Даль горячо одобрил намерение Пушкина издавать "Современник" и даже прислал сюда из Оренбурга статью "Во всеуслышание", датированную 16 августа 1836 г.¹² Позднее он явился одним из вдохновителей "Москвитянина",¹³ выпускаемого в 1841-1856 гг. М.П.Погодиным (совместно с С.П.Шевыревым). Даль не принадлежал к какой-либо литературной партии. Его произведения естественно "вписывались" и в славянофильский "Московский литературный и ученый сборник" на 1846 г., и в антиславянофильский сборник "Физиология Петербурга", напечатанный в 1845 г. и возвестивший о возникновении натуральной школы.¹⁴ Даль исходил из идеи общенационального единства и не примыкал ни к одному политическому движению, усматривая в каждом из них какую-либо крайность. Ближе всего стоял к славянофилам, со многими из которых был коротко знаком (братья Киреевские, А.С.Хомяков, А.И.Кошелев). Продуманная позиция "вне партий" сочеталась с активной гражданской позицией. Обладая природным полемическим даром, он неоднократно возбуждал вызывавшие широкий общественный отклик дискуссии: о гомеопатии, о собирании

фольклора, о воспитании, о народной грамотности, о чистоте русского языка...

Таким образом, Даль выступал не только в качестве участника, но и организатора литературной и культурной жизни той поры.

Совершенно уникальна его собирательская деятельность, сопровождавшаяся безвозмездными дарениями. Записанные фольклорные (в том числе и украинские) песни в различные годы он передает И.А.Рупину, И.П.Сахарову, П.В.Киреевскому, В.Ф.Одоевскому, сказки и легенды - А.Н.Афанасьеву, материалы о расколе - П.И.Мельникову (Андрею Печерскому), всевозможные записки и служебные бумаги - О.М.Бодянскому, П.И.Бартеневу, М.П.Погодину, коллекцию лубочных картин - Публичной библиотеке в Петербурге (изданы Д.А.Ровинским). Вышедший в 1862 г. после девятилетней борьбы с цензурой монументальный труд "Пословицы русского народа" и не имеющий аналогов в мировой лексикографии "Толковый словарь живого великорусского языка", увидевший свет в 1863-1866 гг., по нынешним меркам под силу разве нескольким академическим институтам, и то при условии целенаправленной многолетней работы. Эти труды в сочетании с его художественной прозой оказали огромное влияние на всех русских писателей, когда-либо впоследствии (вплоть до настоящего времени) обращавшихся к правдивому отображению простонародного быта.

К сожалению, творчество Даля до сих пор не вписано в историко-литературный контекст. Например, в четырехтомной "Истории русской литературы" содержится лишь несколько беглых, хотя порой и весьма примечательных упоминаний о Дале.¹⁵ То и дело высокие оценки Белинского и Тургенева признаются преувеличенными,¹⁶ а самого Даля считают создателем "дагерротипов", т.е. механических, неодоухотворенных зарисовок действительности.¹⁷ Отдельные интересные работы¹⁸ не восполняют отсутствие обобщающей научной монографии о художественной прозе Казака Луганского. Между тем целостный взгляд на далевскую прозу настоятельно необходим. В противном случае неизбежны весьма существенные искажения в наших представлениях о путях литературного развития в XIX в. Именно по этой причине, на наш взгляд, все заметнее обнаруживается углубляющийся разрыв между изучением "вершинных" и "второстепенных" произведений. В них охотнее замечают отличительные черты, нежели коренное родство. Складывающееся положение ставит под сомнение целостность всей национальной литературы.

Пора понять, что все русские писатели XIX в., от одаренных беллетристов до гениальных классиков, в конечном итоге решали

одну постоянно порождаемую повторяющейся стадийностью русского общественного развития проблему - проблему соотношения многовекового уклада и поступательного прогресса. А так как "уклад" и "прогресс" могли пониматься различно, а при изображении переломлялись через неповторимые человеческие характеры и судьбы, то необозримое количество вероятных решений предполагалось изначально. Естественно, в романе, будь то "Мертвые души" Н.В.Гоголя, "Преступление и наказание" Ф.М.Достоевского или "Воскресение" Л.Н.Толстого, эта проблема раскрывалась полнее, концептуальнее, а в очерках, рассказах, повестях, даже у названных авторов, - более фрагментарно. Многие "второстепенные" писатели не сочиняли романов и свое творчество посвятили непредвзятому отображению "уклада" или, как принято говорить, "быта". Романисты в рамках избранной тематики прежде всего обобщали соответствующие достижения литературы "второго ряда"¹⁹ Без "низового" уровня не существовало бы и "вершинного", да и само национальное своеобразие русской литературы оказалось бы под вопросом. Подобный механизм взаимодействия между двумя метауровнями вел к преобладанию жанрово-стилевых факторов над формальными признаками литературных направлений и течений. Кстати, в современной науке категория "литературное направление" во многом потеряла свою разрешающую способность.²⁰

При ближайшем рассмотрении некоторые из писателей "второго ряда", куда их определило официальное советское литературоведение, решительно переходят в "первостепенные". Сказанное особенно справедливо по отношению к великому народолюбцу Далею. Его творчество как бы связывало воедино различные уровни (включая "вершинный" и "низовой") историко-литературного процесса, укрупняло наиболее значимые общественные проблемы. Правда, нынешним читателям нелегко составить собственное представление о прозе Даля. Ведь его произведения, начиная с 1917 г., кроме единственного издания "Толкового словаря" в 1935 г., вплоть до переосмысления культа личности Сталина попросту не публиковались. К тому же Далею приписывали черты ретрограда. Несомненно, необходимым условием возникновения тоталитаризма было уничтожение памяти русского народа о самом себе, о своей истории. И только с середины 1950-х годов последовательно выходят словарь, сборник пословиц, произведения для детей, а в 1961 г. и "избранное" художественных текстов. Тиражируемые затем одностомники не слишком баловали публику разнообразием печатаемых произведений. В настоящей статье мы цитируем художественную прозу писателя по изд.: *Даль В.И. Полн. собр. соч.: В*

10 т. СПб.; М., 1897-1898 (сноски даны в тексте в скобках с указанием номера тома и страницы).

Постижение творчества Даля немыслимо вне его биографии, которая в свою очередь изучена явно недостаточно. Вся его жизнь была мастерски исполненной богатырской сказкой, которую он создал сам. Вопреки "стараниям" многочисленных "доброжелателей" он сознательно и вдохновенно творил свою жизненную судьбу. Биографическое (бытовое) и эстетическое (художественное) неудержимо и мощно взаимопроникали, взаимодополняли, взаимообуславливали друг друга. Два бессмертных, но трудновыполнимых принципа "живи, как пишешь" и "пиши, как живешь" были неуклонно реализованы Далем. В качестве подтверждения приведем один прошедший едва ли не через всю жизнь Даля эпизод.

В ночь с 19 на 20 апреля 1823 г. по Николаеву, где Даль служил тогда мичманом, были расклеены листки с эпиграммой на Главного командира Черноморского флота и портов вице-адмирала А.С.Грейга (1775-1845) и его любовницу под названием "С дозволения начальства".²¹ По приказу Грейга в отсутствие Даля его дом подвергся незаконному обыску, приведшему к обнаружению второй эпиграммы "Без дозволения начальства. Антикритика." Внешне она якобы опровергала предыдущую, однако по сути заостряла ее. Даль был отдан под суд и, несмотря на мужественное поведение и хладнокровное опровержение предъявляемых ему обвинений, разжалован на шесть месяцев в матросы (содержался при команде арестованных с сентября 1823 по 12 апреля 1824). 9 октября 1823 г. он подал прошение о пересмотре дела на имя Александра I, и, как он сам об этом позднее вспоминал, "генерал-аудиториат меня защитил: мне был возвращен чин лейтенанта, со старшинством противу товарищей, а сам я переведен в Балтийский флот."²² Полагаем, именно в 1823 г. начинается подлинное духовное становление Даля - гражданина и художника. Столкновение с вопиющим произволом невольно заставляло задуматься о причинах социальной несправедливости.

Запись о штрафе осталась в его послужном списке и лишала его 7 лет выслуги к пенсии, о чем он собственноручно писал в прошении о пересмотре дела в 1845 году. 27 июня 1846 г. генерал-аудиториат счел возможным отменить штраф, что вызвало зловещую резолюцию Николая I: "после 23-х лет и за смертью А.Грейга не считаю возможным перерешать".²³ И только 12 апреля 1859 г., незадолго до подачи Далем рапорта о выходе на пенсию, Александр II вынес противоположный вердикт: "понесенный г<осподином> Далем штраф

не считать дальнейшим препятствием к получению наград и преимуществ, беспорочно служащим предоставленных."²⁴ Увы, даже царская милость не решала всех проблем. Как свидетельствует дочь Даля, Екатерина Владимировна, по выходе отца на пенсию ему был прислан аттестат, где опять-таки указывалось на его нахождение под судом "за составление пасквилей". К большому огорчению Даля, аттестат подписал, по его словам, "добрейший человек, который мне всем обязан."²⁵ Пожалуй, перед нами единственный случай в русской литературе XIX в., когда сочинение отнюдь не антиправительственных и вообще не политических эпиграмм,²⁶ хотя и намекающих на финансовые злоупотребления, привело к столь строгому наказанию. Понятно, дело об эпиграммах и не только оно! - неоднократно использовалось для давления на Даля. Так, его неумное желание оставить службу для кропотливой работы над "Толковым словарем" с сентября 1859 г. осуществилось из-за бюрократических проволочек 1 сентября 1861 г.²⁷

Забота Даля об отмене штрафа вызывалась не одним лишь благородным стремлением к справедливости. Он был кормильцем большого семейства и, хотя занимал не единожды крупные государственные посты (в просторечии, доходные места), не нажил по своей безупречной честности никаких богатств. Но вот что удивительно. Каждое новое испытание как бы придавало ему новые силы. В полном соответствии с фольклорными представлениями и нормами народного православия он продолжал каждодневный титанический труд, положившись на волю Божию.

Беззаветное служение народу охватывало все стороны жизни и деятельности Даля. Так, осознавая необходимость изучения народной материальной культуры и понимая с годами краткость собственного бытия для свершения необходимого, Даль изначально готовил своего сына, Льва Владимировича (1834-1878), ко вступлению на архитектурное поприще. Отец прилагал немалые усилия для должного воспитания и обучения сына. В итоге Лев Владимирович выдерживает конкурс, в петербургскую Академию художеств, где делает блестящие успехи, а с началом Крымской войны 1853-1856 гг. рвется на фронт. Отец отговаривает его, поставив условием получение большой серебряной медали в Академии. По получении Львом престижной награды, 6 мая 1855 г. отец направляет письмо к министру внутренних дел Л.А.Перовскому с просьбой определить сына в стрелковый полк Императорской фамилии.²⁸ Когда сын опасно заболевает тифом, близкие едва удерживают Даля от немедленной отправки к нему на Перекоп. После окончания боевых действий сыну упорно не дают отставки для возвращения к прерванным занятиям. Бесспорно, его задерживали в

строю преднамеренно с целью давления на отца. Больше года отец вел борьбу за сына, пока 18 октября 1857 г. тот не был наконец уволен в отставку Высочайшим приказом.²⁹ Впоследствии Лев Владимирович, академик архитектуры, очень многое сделал для изучения и сбережения русского деревянного зодчества.³⁰

Приведенные факты, думается, однозначно свидетельствуют о негибкой воле Владимира Ивановича, а также о присущем ему объемном, системном мышлении, позволяющем удерживать в сознании одновременно и главные черты и мелкие подробности. Такое мышление по сути своей было опережающим, работающим на перспективу. Отчетливо эти качества проявились и в его художественном творчестве. Даль как бы предвидел назревающую общественную (в том числе и эстетическую, литературную) потребность и откликался на нее. Отсюда подкупающая проникновенность, если не сказать доверительность, ведущей интонации в его прозе. Покидая пост управляющего Нижегородской удельной конторой в результате конфликта с местным губернатором А.Н.Муравьевым, покрывавшим противоправные действия полиции, он признавался в письме к В.М.Лазаревскому от 28 мая 1859 г.: "<...> должность свою понимаю я только в значении заступника за крестьян <...>".³¹ С полным основанием так мог и сказать о себе и писатель Казак Луганский.

Исходя из жанрово-стилевого своебразия далевского творчества и его проблематики, а также с учетом поворотных биографических событий целесообразно выделить шесть хронологически четко очерченных периодов: 1815-1823 гг., 1823-1832 гг., 1833-1841 гг., 1841-1849 гг., 1849-1859 гг., 1859-1872 гг. Период ученичества сменяется периодом становления, а затем следуют оренбургский, петербургский, нижегородский и московский периоды, каждый из которых отмечен определенными изменениями в творческой эволюции писателя. Ниже пунктирная по необходимости характеристика периодов сопровождается укрупнением составляющих их отдельных звеньев. Конечно же, предлагаемое деление (как и любое иное) в чем-то условно и может быть раздроблено на более короткие отрезки, однако обозначенные опорные даты, на наш взгляд, неоспоримы.

Самые ранние из ныне известных нам произведений Даля относятся ко времени его обучения в петербургском Морском кадетском корпусе, куда он поступает 1 августа 1815 г. Это преимущественно стихи (в том числе и одна поэма), в которых начинающий автор подражает Н.М.Карамзину, И.И.Дмитриеву, И.А.Крылову, В.А.Жуковскому. Тогда же он собирает жаргонную лексику кадетов. В 1817 г. совершая четырехмесячное плавание на

бриге "Феникс" по Балтийскому морю, ведет журнал, где нередко встречаются меткие наблюдения, лаконичные записи, точные формулировки. В марте 1819 г. выпущен из корпуса мичманом, по дороге к месту назначения в г. Николаев записывает от ящика слово "замолаживать" (пасмурнеть), положившее начало более чем полувекковой работе над "Толковым словарем". В Николаеве Даль посещает кружок театралов-любителей и, видимо, для них сочиняет две одноактные неоригинальные в общем-то комедии "Невеста в мешке, или Билет в Казань" (1821) и "Медведь в маскараде" (1822).³² В обеих пьесах использование расхожих тогда комедийных "клише" несочетаемо соседствует с их переосмыслением: в первом случае - за счет обширного пласта украинско-еврейско-татарско-французского "наречия", во втором - при помощи затейливого народного увеселения "медвежьей потехи". Анализ же самих используемых "клише" убеждает в хорошем знании Далем комедийного репертуара тех лет.

Завершающим для периода ученичества и начальным для периода становления следует признать 1823 г., когда получает ход рассмотренное нами выше "дело" об эпиграммах.

Период становления характеризуется быстрой сменой контрастных событий, потребовавших от Даля огромной внутренней собранности. Весной 1824 г. он произведен лейтенантом и переведен на Балтийский флот; 1 января 1826 г. подает в отставку и поступает в Дерптский университет; получив в марте 1829 г. диплом доктора, отправляется на Балканы для участия в русско-турецкой войне в качестве врача, а в 1831 г. в составе русской армии совершает поход в Польшу; в марте 1832 г. устраивается ординатором в петербургский военный госпиталь, а в октябре 1832 г. выходят его "Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Лугацким. Пяток первый." Ставшая мгновенно популярной книга подводила определенный итог периоду становления и возвещала о появлении нового писательского имени.

Данный период (особенно до 1826 г.) изучен слабо. Известно однако, что Даль настойчиво ищет собственный путь в литературе. В 1827 г. он обнаружил два любопытных стихотворения в "Славянине". И хотя позднее не печатал своих стихов (за исключением вводимых в прозаические тексты), по-прежнему продолжал их сочинять. Сохранившиеся донныне в малом количестве стихотворения Даля позволяют считать его одним из интереснейших поэтов XIX в.³³ В N 21 и 22 "Московского телеграфа" за 1830 г. он публикует незаурядную повесть "Цыганка". Здесь выражена важ-

ная мысль о перевесе общечеловеческих ценностей над узко национальными интересами и праве каждого народа - греков, турок, цыган, молдаван - быть непохожими на других. Повествователь, он же практикующий врач, выкупает из рабства очаровательную Кассандру и тем самым помогает ей соединиться с ее возлюбленным, бродячим кузнецом Радуканом, который ранее, также бескорыстно выручил повествователя при поломке его брички. Возникшая было романтическая коллизия внезапно разрешается рационалистически. Автор-просветитель исподволь подводит читателя к пониманию значимости сложившегося уклада народной жизни для формирования отдельной личности. Попутно делается актуальный и сегодня вывод: "Вообще, чем пустее народ, чем более утратил он самобытность свою, силу и значение политическое, тем более он льнет к виду и к наружности, обращает все внимание свое на сан, на платье и бороду или усы, пустословит, молодцуется и величается словами. Подавленный дух ищет отрады, хотя в соблюдении и сохранении вида и наружности" (УП, 85). В последующем творчестве Даля проблема "уклада" становится центральной. В "пятке первом" она трансформирована в проблему национального своеобразия, переломленную преимущественно через народную разговорную речь и фольклор.

Еще в Дерпте Даль публично читает свои сказки в народном духе. Перед отъездом на Балканы весной 1829 г. он передает в "Московский телеграф" через своего друга, известного поэта Н.М.Языкова одну из них: "Силу Калиныча". Иначе говоря, на рубеже 1828-1829 гг. Даль художественно воплощает принцип органического сочетания фольклорной и литературной традиции за счет сюжетообразующей роли пословиц и поговорок в пределах единого сказа. Реализация этого новаторского принципа позволила Далю создать жанр литературной прозаической сказки,³⁴ что между прочим оказалось не под силу представителям романтизма. В "пятке первом" сказок ("О Иване молодом сержанте", "О Шемякинском суде", "О Рогволоде и Могучане царевичах", "Новинка-диковинка", "О похождениях черта-послушника, Сидора Поликарповича"³⁵) остроумно выстраиваются пословично-поговорочные ряды, подразделяющие текст на смысловые отрезки и фокусирующие в себе их основную проблематику. Подобно античному хору в классической трагедии, ряды комментировали изображаемое. Прав В.П.Скобелев: "Поговорки ходячие" даются, так сказать, целыми гнездами - словно бы звучит много голосов <...>".³⁶ Одно и то же слово, употребленное одновременно в устойчивых и свободных сочетаниях, постоянно колеблется в своих значениях, чему способствовал виртуозно создаваемый контекст. Разнообразно ва-

рыруемые, перекликающиеся пословично-поговорные ряды совместно с продуманно рассыпанными тут и там одиночными паремиями образуют корневую систему сказок. "Цитируемые" стили (сентименталистский, романтический, официозный, старокнижный, балагурный и т.д.), "маркируя" определенный фрагмент, конфликтно - как и задумано автором - противостоят друг другу и объединяются вокруг этой корневой системы. Программная³⁷ (меж-, внутри-, над-, вневещивая) диалогизация текста подготавливала расцвет русской прозы в XIX в.³⁸ Такое построение высвобождало внутреннюю энергию, заложенную в слове, и одновременно удесятерило силы сказочного героя в борьбе с социальной несправедливостью. Разрабатывалась новая концепция человека из народа, шире - подлинно демократическое, отличное от официального, понимание народности.³⁹ Все это очень точно уловил Пушкин. По свидетельству П.И.Мельникова (Андрея Печерского), он подарил Далю сказку "О рыбаке и рынке" с надписью: "Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому, сказочник Александр Пушкин."⁴⁰ И не случайно после выхода "пятка первого" многие писатели обращаются к сочинению "русских сказок".

Однако сам "пяток первый" был запрещен, а Даль вновь арестован (на этот раз на сутки). Возникла необходимость сменить место жительства и род занятий.

В 1833-1841 гг. Даль служит чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе В.А.Перовском; способствует экономическому и культурному развитию края, отстаивает интересы обездоленных кочевых народностей, заслуживает у простого люда прозвище "справедливый Даль".

С одной стороны, он продолжает постижение национальной самобытности через фольклор. Наглядно это проявляется в 4-х книгах "Былей и небылиц", опубликованных в 1833-1839 гг. Мастерское использование фольклора тут сочеталось с пристальным интересом к жизни русского, цыганского, еврейского, польского, украинского народов и подводило к мысли о равноправии наций и сословий. Сюда вошли в основном произведения первой половины 1830-х годов. Сравнение более ранних текстов с более поздними убеждает в усилении их социального звучания. Например, помещенная в 4-ой книжке "Сказка о Георгии Храбром и о волке", печатавшаяся уже в "Библиотеке для чтения" за 1836 г., сопровождалась отсутствующим там примечанием: "Сказка эта рассказана мне А.С.Пушкиным, когда он был в Оренбурге и мы вместе поехали в Бердскую станицу, местопребывание Пугача во время осады Оренбурга" (IX, 177). Ассоциации, вызванные пушкинской "Историей Пугачева", вплетались в повествование о мытарствах голодного

волка, который хотел по закону съедать не желавших того животных.

С другой стороны, Даль решительно расширяет круг затрагиваемых тем. Передача фольклорно-этнографической специфики дополняется историческими, экономическими, политическими, географическими сведениями. Понимание национального уклада усложняется, но усложняется и представление о личности. Она лишь до определенной степени формируется противоречивым укладом и способна бросить ему вызов, как это показано в повестях на казахские темы. В повести "Бикей и Мауляна" (Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1836. Т. 2. Кн. 7) смелый и благородный Бикей восстает против несправедливости, освященной вековыми предрассудками, отстаивает свое право на личное счастье с прекрасной Мауляной; его трагическая гибель от руки брата утверждает необходимость свободы как обязательного условия развития человеческой личности. Под стать ему и Мауляна, отвергающая домогательства убийцы, требующая наказания виновных и скоростижно умирающая с именем Бикей на устах. Перед нами по сути степная версия любви Ромео и Джульетты. Страницами в текст вводятся развернутые справки о караванах, азиатской торговле, баранте, многоженстве и т.д.; они придают повествованию неповторимый ритм; вступают в смысловое взаимодействие с основным сюжетом, искусно подготавливают кульминацию. В повести "Майна" (Москвитянин. 1841. N 10) описываются опасные приключения юной Майны, которая наперекор воле отца совершает дерзкий 800-верстный побег по степи к любимому человеку. Это едва ли не единственный героический женский образ в литературе той поры. Правдиво показаны незаконные административные разбирательства среди казахов, непредсказуемо изменяющие сложившийся уклад.

Примечательна и повесть "Болгарка" (Московский наблюдатель. 1837. Ч. 13. Кн. 1. Июль), возвращающая читателя к событиям русско-турецкой кампании 1829 г. на Балканах. Преклонение перед боевым духом русских солдат, в частности при описании Кулевчинского сражения,⁵⁴ перерастает в осуждение межнациональной войны и вражды. Один из главных эпизодов "Болгарки" - оказание медицинской помощи неприятелю - позволяет развить тему милосердия. Даль ратует за дружбу между народами. Поэтому он не приемлет самого замысла трагически завершившегося, как затем оказалось, зимнего Хивинского похода 1839-1840 гг., хотя по долгу службы и участвует в нем. Из-за преступной халатности начальства, лютых холодов, болезней, нехватки провианта войска несли колоссальные потери. В критический момент похода он об-

ратился (от имени В.А. Перовского) с потрясающим и ныне воззванием к солдатам и казакам, которое вселило в людей надежду, предотвратило готовую вот-вот разразиться панику. О грядущем походе Даль пишет стихотворение "И пошли, говорят", где с огромной художественной силой вновь осуждает межнациональную вражду. Захватнической политике царизма вновь противопоставлена идея милосердия.⁴² Обстоятельную летопись о напрасно принесенных человеческих жертвах Даль смог обнародовать лишь в 1867 г. в "Русском архиве" ("Письма к друзьям из похода в Хиву").

В 1841-1849 гг. служит секретарем при товарище министра уделов и чиновником особых поручений при министре внутренних дел Л.А.Перовском в Петербурге; трудится над составлением записки о постепенном уничтожении крепостного состояния в России, с группой единомышленников учреждает в 1845 г. Русское географическое общество, устраивает у себя "четверги", которые посещаются выдающимися деятелями науки и культуры. Этот период характеризуется наиболее интенсивной литературной деятельностью. Применительно к России Даль окончательно убеждается в наличии двух укладов - чиновничье-дворянского и простонародного, - различающихся культурой, языком, морально-юридическими нормами, способом материального обеспечения. И хотя первый господствует над вторым с помощью колониальных методов, все же на определенном уровне они взаимодополняют друг друга и по отдельности существовать не могут. Резкое нарушение баланса между ними было бы губительным для России. Как писатель, Даль отдает предпочтение простонародному укладу в его городском и деревенском вариантах.

Даль разрабатывает новый жанр - русский физиологический очерк, значительно отличающийся от возникшего ранее во Франции одноименного жанра,⁴³ максимально приспособленный к отображению жизни социальных низов и сделавшийся чрезвычайно популярным среди писателей натуральной школы. Ошибочно думать, будто авторы физиологий лишь заполняли выведенными типажками некие "ячейки" социально-сословной классификации, а герои Дала полностью слиты с окружающей "средой".⁴⁴ Дело в том, что герой, действительно занимая определенную "социальную нишу", "не вмещается" в нее. В очерке "Уральский казак" главный герой Маркиан Проклятов и слит с окружающей природой и в то же время сражается с ней. Эквивалентом его жизненной судьбы представляется вся природа в целом, а Маркиан предстает "выдающейся личностью".⁴⁵ Автор постоянно цитирует Маркиана, который как бы помогает ему повествовать о себе. Пересыпанная меткими поговорками речь героя да и он сам оказываются

составной частью явственно ощущаемого фольклоризма очерка. Лучшие качества Маркиана обнаруживаются во время походов, в сфере, почти лишенной социально-сословной регламентации. К тому же Проклятов неодобрительно относится к официальным властям и порядкам. При первой публикации очерка в 1842 г. герой имел другую фамилию - Подгорнов.⁴⁶ Замена фамилии усиливала символическое значение образа.

Не совсем обычная фамилия героя Торцеголовый в очерке "Денщик" намекает на торцовую гравюру, обычно используемую тогда для иллюстрации физиологий и перекочевавшую из Франции в Россию.⁴⁷ Перед нами обобщающий образ, своего рода клише. Даль воздаст должное искусству иллюстратора Гранвиля, который "неподражаемо умел схватывать сходство" между человеком и каким-либо животным, но тут же сравнивает Якова Торцеголового сразу с пятью животными и иронически замечает: "<...> а чей хвост, чья голова, чьи руки и ноги у него, разбирайте сами!" (III, 356). Приведенный полемический выпад направлен против попыток втиснуть живую человеческую личность в однозначные определения. В качестве денщика Яков зачастую поступает вопреки своим основным обязанностям (чистит золоченые пуговицы кирпичом, заправляет суп вместо уксуса ваксой и т.д.). Его предприимчивость, как и у Маркиана Проклятова, прежде всего проявляется в походных условиях, где возрастает роль личной инициативы. Яков ворчит на неблагодарность господ и одновременно готов защищать господское добро. Это противоречие между неприятием существующего социального устройства и подчинением ему становится главенствующим при изображении человека из народа в XIX в. В очерке "Петербургский дворник" оборотистый Григорий по необходимости поддерживает порядок на закрепленном за ним участке, но дома в знак протеста живет неопрятно; внешне усвоенные "городские" манеры не изменяют крестьянской сути Григория - отсюда его забота об оставленной в деревне семье, внутреннее достоинство и неподражаемый юмор.

Физиологические очерки Даля просто поражают своей близостью к сказке. Так, в начале "Петербургского дворника" Григорий, подобно царю Дадону из сказки "О Иване молодом сержанте", трехкратно (три - магическое число в сказке) испытывает оказавшихся на вверенной ему территории (то есть вроде бы подчиненных ему) людей. Во-первых, он метет прямо по ногам прохожих, заставляя их перепрыгивать через метлу; во-вторых, господину, ищущему дворника, советует искать его, то есть себя, во дворе (воистину, "иди ты туда, неведомо куда" (IX, 12)); в-третьих, прикарманивает потерянную извозчиком гайку. Как и в случае с Дадон-

ном, третье испытание оказывается роковым для Григория: его мутуют и заставляют вернуть гайку. Вынужденное расставание с гайкой представлено как щедрое дарение чудесного предмета и сопровождается ценным указанием Григория: "не терять ее в другой раз, а то-де ину-пору и не воротишь <...>" (III, 341). В полном соответствии с фольклорной сказкой мы встречаем в очерке "некоторую двуплановость, наличие двух миров"⁴⁸: мир обыденных взаимоотношений, построенный на началах официальной общественной иерархии, и мир городского дна. Как и в сказке, оба мира взаимоотражаются, взаимопересекаются, составляют единое целое. Причем Григорий наделен чудесным знанием: он понимает замысловатый язык петербургских мошенников. Его не смущает скупка краденого, он отдает деньги взаем под грабительские проценты и в то же время гоняет жуликов, пытающихся поживиться за счет постояльцев. Мы не воспринимаем его в качестве вора или мошенника, ибо ему не удается извлечь из этого реальных выгод, а похищение и приобретение похищенного совершено в другом мире, о чем зачастую и повествует сказка.⁴⁹ На границе двух миров в "Петербургском дворнике" расположена каморка Григория, в сказке - избушка на курьих ножках. С обителью бабы-яги каморку сближает теснота, отсутствие окон (которые, впрочем, иногда в избушке имеются), наличие печи...⁵⁰

Но прервав сопоставления ввиду их объемности и обратимся к единственному далевскому роману "Вах Сидоров Чайкин".

Как и многие первые русские романы, произведение Даля отчасти напоминало повесть и строилось на описании путешествия. Однако путешествие тут прежде всего не перемещение в пространстве, а переход героя по прихоти случая из одного социального положения в другое, что подчеркивало важную просветительскую мысль о внесловной ценности человеческой личности. На фоне трагикомических походов Чайкина разворачивается страшная картина многочисленных злоупотреблений, так что отдача героя, отставного унтер-офицера, по второму разу в солдаты выглядит не самым страшным. Тут были сатирически выведены образы помещиков Шелоумова и Порубова, угнетающих крестьян и по-шутовски относящихся к близким, осмеян тупоумный вельможа Горипалов, вскрыты факты наглого вымогательства у мужиков со стороны чиновников и врачей. Вместе с тем Даль с любовью рисует образы одаренных людей из простонародья и с болью говорит о косности крестьянской массы. При первой публикации в 1843 г. роман подвергся цензурным преследованиям. В 1848 г. негодование вновь учрежденного Бутурлинского комитета⁵¹ и лично Николая I вызвали рассказы "Неправедно нажитое" и "Ворожейка"

(Москвитянин. 1848. N10), особенно второй, где мимоходом отмечалось преступное бездействие местного начальства, а отсутствие крепостного права на севере тесно увязывалось с благосостоянием местных жителей. Оба "крамольных" рассказа входили в состав цикла "Картины из русского быта", публикация которого была продолжена лишь в 1856-1857 гг.⁵²

По требованию Л.А.Перовского Даль собственноручно подготовил официальную бумагу с отказом печатать впредь свои произведения.⁵³ Не стерпев такого унижения, Даль решает перебраться в провинцию (с 1849г. управляет Нижегородской удельной конторой). В первой половине 1850-х гг. выпускает одни "Матросские досуги" (1853),⁵⁴ заказанные ему морским ведомством. Продолжение публикации "Картин из русского быта" стало возможным вследствие "потепления" политического климата, вызванного смертью Николая I и поражением России в Крымской войне. Даль прекрасно понимал, что основная причина военной катастрофы крылась в нежелании царского правительства знать правду о реальном положении дел. Выступление на страницах периодики приобретало принципиальный характер. С опорой на новый жизненный опыт он гораздо основательнее, чем прежде, подходит к проблеме "уклада". Беспредельный произвол власть имущих ("Двухаршинный нос", "Хлебное дельце", "Европа и Азия") не сводится к извлечению материальных выгод, а деформирует саму народную мораль: мужики опасаются помочь больному из-за бязни разорительного полицейского разбирательства в случае его смерти ("Мертвое тело"); крестьянин Осип никак не может вырваться из крайней нужды и решается на воровство, в чем, однако, сознается под влиянием пробудившейся совести ("Грех"); крестьянин Сидор по решению односельчан убивает собственного сына, совершившего множество преступлений ("Отцовский суд"). Грозным предупреждением звучит "Рассказ Верхолонцева о Пугачеве" - "первый опубликованный рассказ участника Пугачевского восстания".⁵⁴ В надвигающемся капитализме Даль усматривал опасность не только для привычного сельского уклада, но и для передовой интеллигенции, которая традиционно черпала силы в народной среде. Распадение сложившихся связей могло привести к использованию разобщенных человеческих масс в чуждых им политических целях. К сожалению, в острой полемике о народной грамотности во второй половине 1850-х гг. позиция Даля не была вполне осознана современниками.

Не дождавшись сочувственного отклика у сограждан, Даль все решительнее отдается научной работе, а после переезда в Москву в октябре 1859 г. лишь по окончании I изд. "Толкового словаря"

(1863-1866) понемногу возвращается к художественному творчеству и выпускает книги для детей "Первая первинка полуграмотной внуке" (1870), "Первинка другая. Внуке-грамотейке с неграмотною братиею" (1872). Кончина Даля на время прерывает печатание детских рассказов, начатое в журнале "Семейные вечера" за 1870 г. и продолженное в 1873 г. с уведомлением: "<...> из рукописей покойного В.И.Даля, доставленных по его распоряжению в редакцию". В этом итоговом желании пообщаться со вступающим в жизнь поколением, на наш взгляд, отчетливо проявилась коренная особенность далевского творчества - беззаветная вера в будущее.

1. Белинский В.Г. Собр.соч.: В 9 т. М.,1982.Т.8.С.26.
2. Гоголь Н.В. Собр.соч.: В 8т. М.,1984.Т.7.С.417
3. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30т. М., 1978. Т.1. С.277,278.
4. Герцен А.И. Собр.соч.: В 30т. М.,1958.Т.13.С.174.
5. См.: Фесенко Ю.П. Сентябрь 1833 : А.С.Пушкин и В.И.Даль // Временник Пушкинской комиссии. Л.,1990. Вып. 24.С.104-116.
6. См. об этом: Письмо В.И.Даля к В.А.Жуковскому от 30 мая 1838 г. из Оренбурга (ПД. Ф.28.028.Л.1 - 1 об.).
7. См.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1987. С.94-95.
8. См. об этом: Порудоминский В.И. Даль.М.,1971. С.235.
9. Русские писатели XI - начала XX века: Библиографический словарь.М.,1995.С.181.
- 10.См.: Бобров Е.А. Два вопроса в творчестве Н.В.Гоголя // Изв.Отд. рус.яз. и словесн. АН. 1910.Т. ХУ. Кн.1. С.63-77.
- 11.См.: Смирнова-Чикина Е. Кто "хозяин" названия и сюжета "Мертвые души"? // Русская литература. 1959. N3. С.189-191.
- 12.Даль В.И. Во всеуслышание //Русский архив. 1880. Кн.3.С.473-480.
13. См.:Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина.СПб., 1892. Кн.5.С.495- 497; Кн.6. С.53,68,71,266,281 и др.
- 14.См.об этом: Анненкова Е.И. Творчество Даля 40-х годов в контексте идейно-эстетических споров эпохи // Творческое наследие В.И.Даля в идейно-нравственном формировании личности: Тез. докл. и сообщ. четвертых Далевских чтений. Ворошиловград, 1988.С.37-40.

- 15.См.: История русской литературы: В 4 т. Л.,1980. Т.1. С.302; Л.,1981. Т.2.С.503,508,594,598; Л.,1982.Т.3.С.217,341,665.
- 16.См.: Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе. (Русский физиологический очерк). М.,1965.С.146.
- 17.См.: Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. М.,1982.С.78.
- 18.Наряду с упоминаемыми нами работами см.: Модестов Н.Н. В.И.Даль в Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1913.Вып.ХХIII; Баркова Е. В.И.Даль как беллетрист // Воронежский историко-археологический вестник. 1921.Вып.1.С.21-30; Вып.2.С.11-17; Седов А.В. Нижегородский подвиг В.И.Даля.Нижний Новгород,1993 и др.
- 19.Ср. с другими точками зрения: Недзвецкий В.А. Русский роман XIX века: к построению истории жанра //Изв. РАН. Сер.лит. и яз.1995.Т.54. N1.С.3-17.
- 20.См.об этом: Маркович В.М. Вопрос о литературных направлениях и построении истории русской литературы XIX века // Изв. РАН.Сер.лит. и яз.1993. Т.52. N3. С.26-32.
- 21.См.:Дело 28-го флотского экипажа о мичмане Дале-м,сужденном в сочинении пасквилей (РГА ВМФ.Ф.33.Оп.2.Д.213).
- 22.Даль В.И. Автобиографическая записка.1841 // Русская старина. 1878. N5. С.182.
- 23.РГА ВМФ.Ф.33.Оп.2.Д.214.Л.35,43 об.
- 24.РГИА. Ф.515.Оп.6.Д.4645.Л.396 об.
- 25.ПД.Ф.265.Оп.2.N834.Л.56-56 об.
- 26.Хотя в ходе судебного разбирательства Даль признался в сочинении обнаруженной у него эпиграммы, не вполне ясно, был ли он ее автором или только соавтором.
- 27.РГИА.Ф.515.Оп.6.Д.4645.Л.395 об.,396.
- 28.Из бумаг В.М.Лазаревского // Русский архив.1894.N8.С.557.
- 29.РГИА.Ф.1293.Оп.76.Д.293.
- 30.См.:Фесенко Ю.П. Л.В.Даль - последователь В.И.Даля // Традиции в контексте русской культуры: Сб.статей и материалов. Череповец,1993. Ч.1.С.152-156.
- 31.Из бумаг В.М.Лазаревского.С.577.
- 32.Тексты комедий содержатся в записной книжке В.И.Даля 1817-1832 гг. (РГБ. Ф.473. Карт.1.Ед.хр.1. Л.66-96).
- 33.См. об этом: Фесенко Ю.П.Два неопубликованных стихотворения В.И.Даля // Филология-Philologica.1993. N2. С.47-49.
- 34.Неверно считать Даля последователем О.М.Сомова (см.:Русская литературная сказка.М.,1989.С.10), написавшего в конце 1829 г. "Сказание о храбром витязе Укроме-табунщике" и "Сказку о медведе Костоломе" (см.:Сомов О.М.Были и небыли-

цы.М.,1984.С.156-162,355). Не говоря уж о несоответствующей хронологии, ввиду минимального объема, одноэпизодности действия, иллюстративного использования паремий оба текста попросту несопоставимы с далаевскими сказками.

35.Из-за цензурных препятствий в составе "пятка первого" не смог появиться "Сила Калиныч" (см.: Фесенко Ю.П. Неопубликованное письмо В.И.Даля к Н.А.Полевому // Слобожанщина: Научно-методический сб.Луганск,1994. С.6-13).

36.Мущенко Е.Г.,Скобелев В.П.,Кройчик Л.Е. Поэтика сказа. Воронеж, 1978. С.58.

37.См.: Гофман В. Фольклорный сказ Даля // Русская проза. Л.,1926. С.251.

38.Убедительно мнение о "многоголосии" (полифонизме) романов нового времени, в особенности романов Ф.М.Достоевского (см.:Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.,1979).

39.См.: Фесенко Ю.П. Дарственная надпись А.С.Пушкина В.И.Далю // Русская филология. Украинский вестник.1994. N4. С.21-24.

40.Мельников П.И. (Андрей Печерский). Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. 1873. N3. С.297-298.

41.Продуманность боевой операции под Кулевчами главнокомандующим И.И.Дибичем находится под сомнением (см.:Фесенко Ю.П.Два рукописных наброска В.И.Даля "Силистрия" и "Кулевчи" // Русская литература. 1990.N3.С.147,150).

42.См.: Фесенко Ю.П. Неопубликованное стихотворение В.И.Даля // Жизнь Луганска.1993. N51 (154). Декабрь. С. 6.

43.См.: Цейтлин А.Г.Становление реализма в русской литературе.С.99.

44.См.: Манн Ю.В. Философия и поэтика "натуральной школы" // Проблемы типологии русского реализма.М.,1969. С.271,274.

45.Власова З.И. В.И.Даль // Русская литература и фольклор (первая по ловина XIX в.). Л., 1976. С.348.

46.См.: Наши, списанные с натуры русскими. 1842. Вып.14. С.157-177.

47.См.: Журов А.П., Третьякова Е.М. Гравюра на дереве. М., 1977. С.167.

48.Пропп В.Я. Русская сказка. Л., 1984. С.245.

49.Там же. С.263.

50.См. об этом: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.С.58-66, 70, 98-103.

51.Д.П.Бутурлин (1790-1849)-председатель образованного 2 апреля 1848г. и подотчетного лично царю Негласного Комитета для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России

произведений; впоследствии этот реакционный комитет назывался, по фамилии первого председателя, "Бутурлинским".

52. См. об этом: Русские писатели. 1800-1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т.2. С.78.

53. Подробнее об этом см.: Фесенко Ю.П. Неизвестный автограф В.И.Даля // Бахмутський шлях. 1994. №1. С.17-19.

54. Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т.1. С.86.